

Litera

Правильная ссылка на статью:

Галинская Е.А. Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72466 EDN: OCYZDI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72466

Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров

Галинская Елена Аркадьевна

доктор филологических наук

профессор; филологический факультет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, 962

 eagalinsk@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72466

EDN:

OCYZDI

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2024

Аннотация: Предметом исследования являются особенности современного словесного ударения в южнорусских говорах. Объект исследования — диалектные тексты, записанные на территории южновеликорусского наречия и представляющие все группы говоров этого диалектного объединения. Даётся обзор основных принципов устройства древнерусской акцентной системы и кратко очерчиваются направления ее дальнейшего развития. Констатируется, что не во всех современных русских диалектах акцентологическая картина полностью совпадает с той, которая представлена в русском литературном языке, в связи с чем ставится задача выявить на материале записей южнорусских говоров акцентологические архаизмы, не сохранившиеся в литературном языке, и инновации для тех категорий случаев, когда современный язык не изменил место древнерусского ударения. Основное внимание уделяется акцентологическому поведению в современных русских говорах существительных и глаголов. Для решения поставленной задачи применяется метод сопоставительного анализа данных древнерусского языка, современного русского литературного языка и южнорусских

говоров. Основные выводы исследования таковы: 1) есть акцентологические особенности, различающие между собой южнорусские говоры центральной южнорусской и восточной диалектных зон; 2) в южнорусских говорах имеются архаизмы и инновации, касающиеся существительных женского рода, принадлежавших исконно к а.п. а; 3) в одном из говоров Тульской группы южнорусского наречия существительные женского рода склонения на *-ā, относящиеся к разным акцентным парадигмам, вырабатывают одинаковое соотношение в месте ударения именительного и винительного падежей в единственном числе; 4) существительные мужского рода с односложной основой всех акцентных парадигм имеют в южнорусских говорах некоторые отличия от современного русского литературного языка; 5) существуют диалектные различия, связанные с акцентовкой форм настоящего времени глагола идти и форм простого будущего времени приставочных производных от этого глагола; 6) имеется ряд глаголов IV класса с инфинитивной основой на -и- и -□- суффиксальные, которые, в отличие от литературного языка, не изменили акцентную парадигму в презенсе. Новизна исследования состоит в выявлении конкретных акцентологических архаизмов и инноваций в южнорусских говорах. Автор приходит к заключению о том, что они не всегда соответствуют акцентологическим архаизмам и инновациям литературного языка.

Ключевые слова:

ударение, историческая акцентология, праславянский язык, древнерусский язык, акцентная парадигма, акцентологические архаизмы, акцентологические инновации, русская диалектология, южнорусские говоры, группы говоров

Акцентная система праславянского языка к настоящему времени детально реконструирована. См., например [\[5, 6, 7, 8, 9, 14, 18, 19\]](#). Что касается акцентной системы древнерусского языка, то она была еще очень близка к праславянской, хотя в ней произошли некоторые изменения, связанные, в частности, с модификацией интонационных контуров: так, в древнерусском совпали две праславянские интонации — акут и новый акут. Организация древнерусской акцентной системы подробно описана А. А. Зализняком [\[11\]](#). В ней было представлено два класса словоформ. К первому классу относились **ортотонические словоформы**, один из слогов которых обладал фонологической ударностью, а ударение, им присущее, было автономным (оно восходит к совпавшим в древнерусском языке праславянским акуту и новому акуту). Ко второму классу принадлежали **энклиномены**, все слоги которых были фонологически безударными, но начальный слог энклиноменов имел некоторое просодическое усиление, называющееся автоматическим ударением (восходит к праславянскому циркумфлексу). При присоединении фонологически безударной проклитики автономное ударение переходило на нее. В ортотонических же словоформах автономное ударение было закреплено за одним из слогов и не сдвигалось при присоединении такой проклитики [\[11, с. 118–120\]](#). Характер и место ударения определялись акцентологической характеристикой, иначе говоря, акцентологической маркировкой, морфем, вернее морфов, входивших в словоформу (или в фонетическое слово, которое в акцентологии принято называть тактовой группой). Основные маркировки бывают трех видов: **самоударность**, когда ударение привязывается к определенному морфу и при благоприятных условиях падает на него; **правоударность**, состоящая в том, что ударение привязано морфу, но переходит на ближайший стоящий справа морф; **минус**, обозначающий, что к морфу ударение не привязано. Акцентные маркировки были

независимыми свойствами морфем / морфов, не связанными со значениями морфемы или с ее фонемным составом [\[11, с. 121-123\]](#). Существует так называемое базисное правило, которое определяет место и тип ударения в словоформе / тактовой группе, исходя из акцентных маркировок морфов [\[11, с. 123-125\]](#).

В зависимости от схемы ударения в древнерусском языке слова относились к разным акцентным парадигмам (далее — **а.п.**). Основных акцентных парадигм было три.

Слова **а.п. а** были представлены ортотоническими словоформами и имели неподвижное автономное ударение на определенном слоге основы (например, И.п. ед.ч. *бáба*, Р.п. ед.ч. *бáбы* ... М.п. мн. ч. *бáбахъ*; 1 л. ед.ч. *стáну*, 2 л. ед.ч. *стáнеши* ... 3 л. мн.ч. *стáнуть*).

Слова **а.п. б** обладали смежно-подвижным автономным ударением, которое падало на первый слог окончания или на последний слог основы (например, И.п. ед.ч. *сестrá*, Р.п. ед.ч. *сестры́*, Р.п. мн.ч. *сéстры...* М.п. мн. ч. *сестráми*; 1 л. ед.ч. *хожú*, 2 л. ед.ч. *хóдиши* ... 3 л. мн.ч. *хóдить*). Словоформы здесь были ортотоническими за редкими исключениями. Так, формы звательного падежа существительных с основами на **-о* и **-а* являлись энклиноменами с автоматическим ударением на первом слоге.

Слова **а.п. с** имели маргинально-подвижное ударение и были представлены словоформами двух типов — энклиноменами с автоматическим начальным ударением (оно обозначается знаком *-* перед словоформой) и ортотоническими словоформами, с ударением на окончании (например, В.п. ед.ч. *голову*, И.п. ед.ч. *головá*, Т.п. ед.ч. *головою́*; 1 л. ед.ч. *говорю*; 2 л. ед.ч. *говориши́* ... 3 л. мн.ч. *говорóть*) [\[11, с. 125-127\]](#).

На пути от древнерусского языка к современному русскому произошел целый ряд изменений, но собственно фонетическим было лишь одно из них — совпадение автономного и автоматического ударений, что привело к образованию единого динамического ударения, отчего перестали различаться прежние ортотонические словоформы и энклиномены [\[11, с. 178\]](#). Прочие изменения были вызваны аналогическими перестройками различного рода, в частности выравниванием ударения в объединенной по какому-то признаку группе словоформ, поляризацией ударения в подпарадигмах, как, например, у ряда существительных, развивших акцентную оппозицию единственного и множественного чисел (ср. совр. *стáдо* — *стáда* в отличие от древнерусского *стáдо* — *стáда*). См. об этом подробнее [\[11, с. 371-387\]](#).

Однако не во всех современных русских диалектах акцентологическая картина полностью совпадает с той, которая представлена в русском литературном языке. Поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить на материале записей южнорусских говоров акцентологические архаизмы, не сохранившиеся в литературном языке, и инновации для тех категорий случаев, когда современный язык не изменил место древнерусского ударения. Для анализа был выбран сборник южнорусских текстов [\[16\]](#), представляющих все основные группы говоров южнорусского наречия в соответствии с диалектным членением, разработанным К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [\[4, карта VI\]](#) и южнорусские говоры, не вошедшие в Диалектологический атлас русского языка [\[4\]](#), которые локализуются в Ростовской и Волгоградской областях, а также в Ставропольском и Краснодарском краях. Аудиозаписи опубликованных в [\[16\]](#) текстов хранятся в фонотеке Отдела фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Примеры будут приводиться так, как они записаны в [\[16\]](#), то есть в упрощенной

фонетической транскрипции; после каждого примера указывается номер текста в издании и локализация говора.

Существительное

1). Сохраняется древнерусская акцентуация в слове *прáбабка* (№ 39, Воронежская обл., Россонский р-н), у которого приставка *пра-* была в древности самоударной, и поэтому ударение стояло на первом слоге. См. [\[10, с. 179\]](#). В литературном языке слова с приставкой *пра-* в некоторых случаях удерживают старое ударение (например, *прáдед*, *прáвнук*, *прáвнучка*, *прáотец*), а в некоторых случаях ударение стало другим (например, *прабáбка*, *прабáбушака*, *прадéдушка*, *прамáтерь*).

2) В древнерусском языке слова женского рода склонения на **-ā*, **относившиеся к а.п. с**, имели следующую схему ударения в единственном числе:

Ед. ч.
 И.п. *головá*
 Р.п. *головý*
 Д.п. *головъ*
 В.п. *голову*
 Т.п. *головою*
 М.п. *голово*́

После совпадения древних автономного и автоматического ударений сформировалось, как было сказано выше, единое динамическое ударение. Русский литературный язык в тех случаях, когда слова старой а.п. с продолжают иметь маргинально-подвижное ударение, в дательном падеже утратил старое место ударения, а в винительном падеже сохранил его (ср. *нóгу*, *вóду*, *гóлову* и т.д.). Впрочем, некоторые слова русского литературного языка изменили а.п. с на а.п. *b*, так что в винительном падеже они приобрели флексионное ударение. Таково, например, слово *копнá*, (совр. лит. *копнá* — *копнú*) [\[10, с. 205\]](#). Так же ведет себя и слово *изба* [\[10, с. 162\]](#), хотя литературный язык допускает колебания в винительном падеже (новое *избú* и устаревшее *избу*)[\[1\]](#). Данные же южнорусских говоров таковы.

Существительное *земля*, исконно относившееся к а.п. с [\[10, с. 702\]](#), в **центральной части южнорусского наречия** ведет себя преимущественно как слово а.п. *b*, хотя иногда его могут произносить со старым наосновным ударением в винительном падеже.

Межрегиональные говоры типа А

в землó № 6, Калужская обл., Хвастовичский р-н.

Курско-Орловская группа

зя́млю (4 р.) и зéмлю (1 р.) № 12, Курская обл., Фатежский р-н;

зéмлю № 14, Курская обл., Обоянский р-н.

В то же время в **восточной части южнорусских говоров** акцентологических изменений с этим словом не произошло, оно демонстрирует старую а.п. с:

нá зимлю № 43, Тамбовская обл., Староюрьевский р-н (Рязанская группа);

у зéмлю № 45, Ростовская обл., Цимлянский р-н (Донская группа).

Аналогичная ситуация складывается с существительным *вода* (исこんная а.п. с [\[10, с. 174\]](#)). В говорах Курско-Орловской группы (**центральная часть южнорусского наречия**) оно проявляет новую а.п. *b*:

у ваду́, в ваду́ № 12, Курская обл., Фатежский р-н;

ваду́ № 16, Курская обл., Октябрьский р-н.

В говоре же Рязанской группы, принадлежащей к **восточной южнорусской зоне**, старая а.п. с *у* существительного *вода* сохраняется за редкими исключениями:

в шо́ду № 31, Липецкая обл., Хлевенский р-н;

вóд(у) № 39, Воронежская обл., Россосанский р-н;

в вóду, на́ ваду́[\[21\]](#) и здесь же на ваду́ № 38, Воронежская обл., Эртильский р-н.

Инновационная акцентовка слова *нога*, исこんно относившегося к а.п. с [\[10, с. 169\]](#), возникла в **юго-западных говорах**:

нау́ № 5, Брянская обл., Почепский р-н.

В то же время в **центральной части южнорусского наречия** старая акцентная парадигма сохраняется:

нóуу № 13, Курская обл., Щигровский р-н;

на́ нау́ № 21, Тульская обл., Одоевский р-н.

Удерживают в южнорусских говорах исこんную а.п. с существительные *гора* [\[10, с. 210\]](#), *душа* [\[10, с. 236\]](#), *зима* [\[10, с. 193\]](#) и *сторона* [\[10, с. 205\]](#):

на ўóру № 16, Курская обл., Октябрьский р-н;

на́ дáшу, на́ дáшу (с редукцией безударного [у]) № 42, Тамбовская обл., Пичаевский р-н;

на зýм(у) № 35, Рязанская обл. Клепиковский р-н;

зýму № 45, Ростовская обл., Цимлянский р-н;

ф стóрэну № 18, Тульская обл., Белёвский р-н.

3) В южнорусских говорах имеются архаизмы и инновации, касающиеся существительных женского рода, **принадлежавших исこんно к а.п. а**. Так, слово *сосна* относилось в древности к этой акцентной парадигме [\[10, с. 205\]](#) и имело поэтому колонное ударение на основе. В современном русском литературном языке оно уже ведет себя, как слово а.п. *b* (ср. И.п. *соснá*, В.п. *соснú*), но в восточной части южнорусского наречия фиксируется архаичная форма винительного падежа: *сóсну*, *на сóсну* № 32, Липецкая обл., Усманский р-н. При этом в речи того же информанта в предложном падеже представлено инновационное ударение на окончании: *на сасынé*. В то же время слово *спина*, также изначально относившееся к а.п. *a* (древнерусск. И.п. *спýна*, Р.п. *спýны* и т.д.) [\[10, с. 2001\]](#), перешло в а.п. *c* и в литературном языке, и в описываемых южнорусских говорах: *зá съпину* № 18, Тульская обл., Белёвский р-н.

С другой стороны, существительное *нива*, устойчиво сохраняющее а.п. *a* в современном

литературном языке [\[10, с. 166\]](#), в одном из межзональных говоров типа «А» представлено с новым ударением на флексии в винительном падеже, как у слов а.п. *b*: *нивú* № 10, Калужская обл., Юхновский р-н.

4) Интересный материал относительно существительных женского рода склонения на *-ā обнаруживается в записях говора деревни Глазово Серпуховского района Московской области, относящегося к Тульской группе южнорусского наречия (№ 25, комментарии [\[16, с. 107\]](#))[\[3\]](#). Здесь существительные женского рода, относящиеся к **разным акцентным парадигмам**, вырабатывают одинаковое соотношение в месте ударения именительного и винительного падежей в единственном числе (в именительном падеже — наосновное ударение; в винительном падеже — флексионное):

дижá — дéжу;

мижá — мéжу;

казá — кóзу;

тучá — тúчу;

залá — зóлу.

Такое соотношение исконно у пар слов а.п. *с коза* [\[10, с. 178\]](#) и *зола* [\[10, с. 191\]](#).

Существительное *туча* в ранних акцентуированных рукописях демонстрирует а.п. *a*, в более поздних — а.п. *b*, а в современном литературном языке принадлежит к а.п. *a* [\[10, с. 235\]](#). Следовательно, свойственное рассматриваемому говору соотношение *тучá — тúчу* появилось в результате аналогического выравнивания по а.п. *c*, и это явно было связано с тем, что группа словоформ женского рода I склонения с односложной основой приобрела тенденцию иметь одну и ту же схему ударения[\[4\]](#).

У существительного *межа*, судя по показаниям акцентуированных памятников древней письменности, наблюдалось колебание между а.п. *b* и а.п. *c*, и в русском литературном языке оно ведет себя сейчас как слово а.п. *b* [\[10, с. 177\]](#), а в говоре деревни Глазово в условиях колебания между двумя акцентными парадигмами это слово выбрало а.п. *c* и влилось в упомянутый выше класс слов I склонения.

Для слова *дежа* 'деревянная кадка, в которой приготавляется тесто для хлеба, квашня' [\[17, с. 333\]](#) с формами *дижá — дéжу* исконная акцентовка не известна, так как оно не встретилось в акцентуированных памятниках письменности, привлеченных А. А. Зализняком к анализу при составлении акцентологического словаря [\[10\]](#), но, судя по материалам «Словаря русских народных говоров», оно по диалектам может иметь в именительном падеже как наосновное, так и флексионное ударение. Что же касается винительного падежа, то следует сказать, что в словаре, к сожалению, не во всех примерах проставлено ударение, но там, где ударение стоит, все формы этого падежа имеют ударное окончание [\[17, с. 333\]](#). Таким образом, скорее всего, соотношение *дижá — дéжу* в говоре деревни Глазово, равно как в случаях со словами *туча* и, видимо, *межа*, появилось в результате аналогического выравнивания по словам а.п. *c*.

5) Существительные мужского рода с односложной основой так же, как существительные женского рода, имеют в южнорусских говорах некоторые отличия от современного русского литературного языка.

Перечислим, во-первых, те случаи, где старая акцентная парадигма сохранилась в литературном языке, а в южнорусских говорах подверглась изменениям в сторону другой акцентной парадигмы.

а) Начнем со слов **исконной а.п. а.** Существительные *брат* и *дѣдъ*, принадлежавшие в древности к а.п.а [\[10, с. 617, 544\]](#), ведут себя, как слова а.п. *b*, имея флексионное ударение в именительном падеже множественного числа:

брать́ № 1, Смоленская обл., Починковский р-н;

дяды́ № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н.

То же самое происходит со словом *край* (а.п. а [\[10, с. 269\]](#)), у которого мы наблюдаем флексионное ударение в предложном падеже единственного числа:

в этом краи́ [5] № 5, Брянская обл., Почепский р-н;

на краи́ № 21 Тульская обл., Одоевский р-н (с второстепенным ударением на предлоге).

У слова *разъ*, имевшего вариативную акцентную парадигму (а//с) [\[10, с. 545\]](#), флексионное ударение присутствует в именительном падеже множественного числа:

двá разы́ [6] № 5, Брянская обл., Почепский р-н (с второстепенным ударением на предлоге).

Впрочем, бывает, что старая акцентная парадигма сохраняется:

разэм Т.п. ед.ч. № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н.

Слово *плугъ*, которое изменило в русском литературном языке старую а.п. а на новую а.п. с, так же ведет себя и в южнорусских говорах:

плууáми № 45, Ростовская обл., Цимлянский р-н.

б) Далее рассмотрим слова **исконной а.п. б.** Есть случаи, когда они не перешли в южнорусских говорах в а.п. с, как это произошло в русском литературном языке, и сохранили ударение на окончании в единственном числе:

пирядóм № 4, Брянская обл., Почепский р-н (слово *передъ*, принадлежавшее в древности к а.п. *b* [\[10, с. 539\]](#), в праславянском языке, как и другие рассматриваемые здесь существительные мужского рода, имело односложную основу — *perd-);

пад низóм № 14, Курская обл., Обоянский р-н (о его акцентной парадигме см. [\[10, с. 546\]](#)).

Есть и обратные случаи: существительные *серп* и *блин*, сохранившие а.п. *b* в литературном языке [\[10, с. 603, 594\]](#), в южнорусских диалектах стали словами а.п. с и приобрели наосновное ударение в единственном числе:

сéрпом № 4, Брянская обл., Почепский р-н;

з бли́нэм, с тым бли́нэм № 5, Брянская обл., Почепский р-н.

в) И, наконец, существительные древней **а.п. с** ведут себя в южнорусских говорах следующим образом.

Слова *лось*, которое некогда принадлежало к этой акцентной парадигме, а в современном литературном языке колеблется между а.п. с и а.п. а [10, с. 667], имеет в винительном падеже единственного числа ударное окончание, то есть демонстрирует а.п. *b*:

лася № 46, Ростовская обл., Вёшенский р-н.

То же наблюдаем у слова *гость*, сохраняющего в литературном языке старую а.п. с [с. 673]:

у́эсьт́я № 11, Калужская обл., Мосальский р-н.

Существительное *годъ* с устойчивой древней и современной а.п. с [10, с. 540–541] демонстрирует нехарактерное для этой парадигмы флексионное ударение в именительном падеже и наосновное ударение в предложном падеже множественного числа:

уады № 4, Брянская обл., Почепский р-н;

два́ уады́, двá уады́ [7] № 5, Брянская обл., Почепский р-н;

у́ мэлады́у у́одэх, в мэлады́у у́одэх № 16, Курская обл., Октябрьский р-н.

Не имеет смысла рассматривать формы слов а.п. с, имеющие в говорах ударную флексию -а в именительном падеже множественного числа и совпадающим с ним винительном падеже:

уада № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н;

φ стáрамóдныи уада № 17, Орловская обл., Кромской р-н;

крика́ № 44, Тамбовская обл., Кирсановский р-н.

Дело в том, что это инновационное для слов мужского рода окончание (до середины XVII в. оно было редким, а быстрый рост количества слов, принимающих его, начался в XVIII в. и продолжается до сих пор [13, с. 21]) всегда ударно вне зависимости от исходной акцентной парадигмы.

Глагол

1) Существуют диалектные различия, связанные с акцентовкой форм настоящего времени глагола *идти* (а.п. *b* [10, с. 333]) и форм простого будущего времени приставочных производных от него.

У бесприставочного глагола во всех формах презенса, кроме формы 1 л. ед.ч., то есть у форм типа 3 л. ед.ч. *јьдеть*, по заключению А. А. Зализняка, были следующие диалектные варианты развития: а) *јь* дало *ји*, и поэтому при сбрасывании ударения налево с соединительного гласного -е- (что было связано со специфическими акцентологическими свойствами этого соединительного гласного), начальное *ји*, принимало на себя ударение, откуда получалось *јдеть*; б) *јь* трактовалось как слабый редуцированный, откуда вынужденное ударение *идέть*; в дальнейшем такое *јь* давало в одних говорах *j*, как в украинском *йде*, а в других говорах — и, как в русском *идёт* [11, с. 117–118].

Среди южнорусских диалектов по варианту а) пошли только говоры восточной зоны, а именно Рязанской группы, где фиксируется ударение лишь на начальном слоге:

холст **ы́дя** № 31, Липецкая обл., Хлевенский р-н;
 йдим (1 л. мн.ч.) № 32, Липецкая обл., Усманский р-н;
 йдим (1 л. мн.ч.) № 35, Рязанская обл. Клепиковский р-н;
 йдуть № 36, Рязанская обл. Рыбновский р-н.

Диалекты других южнорусских зон реализовали в основном вариант б), при котором ударение перешло на окончание, а формы с ударением на первом слоге представляют собой исключение (в приводимых ниже примерах они выделены жирным шрифтом):

нейдέть, **ня** йдέть № 5, Брянская обл., Почепский р-н;
 ни идёть, идéш № 6, Калужская обл., Хвастовичский р-н;
 за друшком ыдέть № 7, Калужская обл., Хвастовичский р-н;
 идёш № 13, Курская обл., Щигровский р-н;
 идуть, идуть-идуть, **ийдем** № 14, Курская обл., Обоянский р-н;
 идём № 18, Тульская обл., Белёвский р-н;
 идуть, **а нарóдə-т(о)** ыдуть, идé (3 л. ед.ч.) № 24, Тульская обл., Венёвский р-н;
 идё(т), **ыдя** (3 л. ед.ч.) № 26, Белгородская обл., Новооскольский р-н;
 идёть № 39, Воронежская обл., Семилукский р-н;
 бэлшовик ыдёть № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

Что касается форм презенса приставочных производных типа *појьдеть*, то здесь, *јь*, не будучи начальным, нормально вел себя как слабый редуцированный и перемещал сброшенное на него с соединительного гласного ударение на приставку, что давало акцентовки типа *појьдеть*, *пријьдеть*. Русский литературный язык в дальнейшем обобщил ударение приставочных и бесприставочных форм, откуда совр. *пойдёт*, *придёт* и т.д., а в диалектах может быть представлена либо эта же инновация, либо архаизм^[8].

В исследованном материале обнаружены интересующие нас формы презенса от следующих приставочных глаголов: *дойти*, *зайти*, *подойти*, *пойти*, *прийти*, *пройти*, и только один из них — *прийти* — может иметь архаичное ударение на приставке:

при́дя (3 л. ед.ч.) № 3, Смоленская обл., Руднянский р-н;
 при́дя, **ня** при́йдя (3 л. ед.ч.) № 4, Брянская обл., Почепский р-н;
 при́дить (3 л. ед.ч.), при́дут № 7, Калужская обл., Хвастовичский р-н;
 при́дуть № 26, Белгородская обл., Новооскольский р-н;
 при́д(е)т, при́де (3 л. ед.ч.) № 37, Воронежская обл., Борисоглебский р-н;
 при́д(ет) № 38, Воронежская обл., Эртильский р-н.

При этом фиксируется и инновационное флексионное ударение, но в других говорах:

при́уть (=придут) № 9, Калужская обл., Жиздринский р-н;
 при́деть, при́дуть № 12, Курская обл., Фатежский р-н;
 при́деть № 13, Курская обл., Щигровский р-н;
 при́дём № 18, Тульская обл., Белёвский р-н;
 при́дём № 19, Тульская обл., Арсеньевский р-н;
 при́дём № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

Таким образом, имеется некоторое диалектное распределение в плане акцентологического поведения презентных форм глагола *прийти*.

Что касается остальных приставочных глаголов, которые, как было сказано, имеют ударение на окончании так же, как и литературный язык, то примеры их употребления приводиться не будут ввиду их стандартности.

2) В старовеликорусский период появляются акцентологические изменения в презенсе глаголов IV класса, имеющих инфинитивные основы на *-и-* и *-ѣ-* суффиксальные: они меняют а.п. с на а.п. *b*, то есть у глаголов типа *пустити*, *терпѣти* появляются формы, например, 2 л. ед.ч. *пустишь*, *тѣрпишь* (ср. более ранние формы *пустішь*, *терпішь*, присущие а.п. с). Важно отметить, что происходило это прежде всего у переходных глаголов некнижного характера. Наиболее ранние примеры обнаруживаются в акцентуированных памятниках письменности в XVI в., а в XVII в. эти инновации встречаются уже заметно чаще. [\[11, с. 361\]](#), и далее количество их продолжает увеличиваться, причем описываемый процесс шел и в XIX, и в XX вв. Так, Л.А. Булаховский приводит примеры глаголов с еще не перемещенным ударением у поэтов XVIII и XIX вв.: *Но кто меня губít, того не внушено* (Сумароков); *Нет, знать, скорей судьба* *Мой краткий век промчит, Чем просвещение те нравы излечít* (В. Майков); *Снег на землю валítся* (Пушкин); *Ты пишу в нем себе варíшь* (Пушкин) и др. [\[2, с. 273\]](#). Значит, наосновное ударение у приведенных тут глаголов (*губит*, *излечит*, *вáлится*, *вáришь*) и некоторых других появилось в русском литературном языке достаточно поздно. Собственно говоря, признаваемые сейчас ненормативными формы с ударением на основе у глагола *звонить* [\[15, с. 244\]](#) также появились под влиянием описанной тенденции. Впрочем, есть глаголы, у которых в современном языке сосуществуют формы с инновационным и архаичным ударением, например, *крóшит* ~ *крошít* [\[15, с. 326\]](#), *крéстит* ~ *крестít* [\[15, с. 322\]](#) и др.

Обратимся теперь к южнорусским говорам. Здесь, по данным исследованных записей, вырисовывается следующая картина.

Есть несколько глаголов, которые в литературном языке имеют только новое ударение на основе, а в отдельных южнорусских диалектах сохраняют старое ударение на окончании:

варíш № 13, Курская обл., Щигровский р-н;
тащít (3 л. ед.ч.) № 33, Рязанская обл., Рязанский р-н;
вяртíш, вяртítцə № 43, Тамбовская обл., Староюрьевский р-н;

валыть (3 л. ед.ч.) № 47, Волгоградская обл., Кулмыженский р-н.

При этом наблюдается и некоторая вариативность. Так, наряду с *варыш* (№ 13 Курская обл., Щигровский р-н) информант произносит и *сварит*, *вá(рят)*. Фиксируется новое ударение у этого глагола и в других говорах:

вáрютъ, навáрим № 14, Курская обл., Обоянский р-н;

свóрить (=сварит), *увóрить* (=сварит), *абвóриш* (=обвариши) № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

Не имеют вариативности следующие новые формы с наосновным ударением:

уамóнътъ № 5, Брянская обл., Почепский р-н;

вáлитца (3 л. ед.ч.) № 9, Калужская обл., Жиздринский р-н;

прастрéлить (3 л. ед.ч.) № 12, Курская обл., Фатежский р-н;

укрéсьтиш № 20, Тульская обл., Ефремовский р-н;

ни сторóнитцэ № 25, Московская обл., Серпуховской р-н;

пакóт(и)ш (=покатиши) № 37, Воронежская обл., Борисоглебский р-н;

пакróшуть № 39, Воронежская обл., Рассошанский р-н;

кóсим № 43, Тамбовская обл., Староюрьевский р-н;

накróшаш, налóжаш, пасóлиш № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

И, наконец, есть один обратный случай: глагол исконно а.п. *b* повел себя по схеме а.п.с, то есть заменил наосновное ударение на флексионное:

кормыть (3 л. ед.ч.) № 33, Рязанская обл., Рязанский р-н.

Итак, исследование показало, в что в южнорусских говорах есть ряд акцентологических особенностей, не совпадающих с соответствующими явлениями русского литературного языка. В частности, были выявлены архаизмы, не сохранившиеся в литературном языке, и инновации для тех категорий случаев, когда современный язык не изменил место древнерусского ударения.

[\[11\]](#) В южнорусских говорах фиксируются формы этих двух слов, от литературного языка не отличающиеся: *капнú* № 12, Курская обл., Фатежский р-н; *избú* № 2 Смоленская обл., Новогудинский р-н.

[\[12\]](#) В таковой группе, состоявшей из предлога и формы-энклиномена слова, относящегося к а.п. с, автоматическое ударение в праславянском и раннедревнерусском регулярно стояло на предлоге, и в старорусском языке XV–XVII вв. постановка ударения на предлог при такой форме существительного почти полностью сохраняла актуальность [\[12, с. 805\]](#), но в современном состоянии языка многие так называемые «оттяжки» ударения на предлог уже недерживаются, либо существует вариативность типа *на вóду* ~ *на* *воду*. Как видно из приводимого далее диалектного материала, это положение вещей характеризует не только русский литературный язык, но и современные говоры.

[\[13\]](#) Текст, приведенный в [\[16\]](#), невелик по объему, однако в обширном комментарии,

представляющем собой описание говора, привлечены все записи информанта, от которого записан этот текст (они сделаны Д. М. Савиновым с 1994 по 1997 гг.) [\[16, с. 105\]](#).

[\[4\]](#) Ударение тучá фиксируется и в говоре деревни Беляево Белёвского района Тульской области (Курско-Орловскоая группа говоров, текст № 18).

[\[5\]](#) Необходимо заметить, что здесь сохраняется флексия мягкого варианта склонения на *-ó (парадигмы древнего *ó- склонения см. в [\[3, с. 169\]](#)).

[\[6\]](#) В древности слово *дъва* согласовывалось с формой И.п. дв.ч. *раза*, а в современном состоянии эта же форма переосмыслена как форма Р.п. ед.ч. и управляет словом *два*, см. [\[3, с. 330\]](#). В приведенном примере *двá разы* представлена синтаксическая сочетаемость промежуточного типа, когда слово *два* все еще согласуется с существительным, но по аналогии со словами, обозначавшими числа 3 и 4, стоит не в И.п. дв.ч., а в И.п. мн. ч., причем имеет инновационное окончание *-ы*, пришедшее из форм В.п. [\[3, с. 219\]](#)). О том, что сочетаемость типа *два + И.п. мн.ч.* долго существовала в русском языке, см. [\[1, с. 59–60\]](#).

[\[7\]](#) О синтаксической сочетаемости *два + И.п. мн.ч.* см. сноска 6.

[\[8\]](#) Здесь не идет речь о глаголе *выйти*, поскольку во всех его формах ударение нормально стояло на приставке в силу того, что она была самоударной.

Библиография

1. Антонова А. Н. Синтаксис числовых сочетаний по данным летописных и деловых памятников конца XIV–XVII вв. Дис.... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2024.
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1958.
3. Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М.: УРСС, 2016.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
5. Дыбо В. А. Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 148–224.
6. Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 3–27.
7. Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы парадигм в праславянском. М.: Наука, 1981.
8. Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990.
9. Дыбо В. А., Иллич-Свитыч В.М. К истории славянской системы акцентуационных парадигм // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 70–87.
10. Зализняк А. А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
11. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
12. Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010.
13. Зализняк А. А. Функции флексии именительного падежа-а в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1. С. 9–32.

14. Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М.: Издательство АН СССР, 1963.
15. Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
16. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999.
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 7., Л.: Наука, 1972.
18. Garde P. Histoire de l'accentuation slave. T. 1. Paris: Institut d'études slaves, 1976.
19. Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo: Universitetsforlaget, 1957.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В данной рецензии рассматривается научная статья «Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров». Статья представляет собой исследование в области русской диалектологии, а именно акцентологической парадигмы современных диалектов южных регионов России.

Цель представленного исследования - выявление на материале записей южнорусских говоров акцентологических архаизмов, не сохранившихся в литературном языке, а также инноваций для тех категорий случаев, когда современный русский литературный язык не изменил место древнерусского ударения.

В качестве материала для исследования использовался сборник южнорусских текстов, представляющих все основные группы говоров южнорусского наречия в соответствии с диалектным членением, разработанным К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, и южнорусские говоры Ростовской и Волгоградской областей, а также Ставропольского и Краснодарского краев.

Объектом исследования являются акцентологические инновации и архаизмы в говорах.

Предметом исследования выступают акцентологические парадигмы самостоятельных частей речи в южнорусских говорах.

Статья состоит из введения, практической части, заключения и библиографии.

Автор последовательно сравнивает существующие в говорах акцентологические парадигмы с таковыми в литературном русском языке. В качестве основного автор применяет сравнительно-аналитический метод.

В введении автор приводит ссылки на материалы, посвященные исследованию древнерусской и праславянской акцентологии. Исследование опирается на прочную теоретическую базу диалектной лингвистики.

В практической части подробно описаны и проанализированы основные особенности акцентологических парадигм существительного и глагола.

Автор особо отмечает, что в разных частях южнорусских говорах происходят разные акцентологические преобразования, которые могут не совпадать ни с литературным языком, ни между собой.

В заключении автор делает выводы и обобщает результаты своего исследования.

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Статья написана в соответствии с критериями, предъявляемыми к научным статьям.

Объем статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные

исследования по данной теме.

В результате анализа автор делает вывод о том, что «в южнорусских говорах есть ряд акцентологических особенностей, не совпадающих с соответствующими явлениями русского литературного языка. В частности, были выявлены архаизмы, не сохранившиеся в литературном языке, и инновации для тех категорий случаев, когда современный язык не изменил место древнерусского ударения».

В целом, статья «Некоторые акцентологические особенности современных южнорусских говоров» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение русской диалектологии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.